

УДК 316.334.55

ДИНАМИКА ТРАНСФОРМАЦИИ ЛОКАЛЬНЫХ СИСТЕМ: ИМПЕРСКИЙ СИНДРОМ

В. С. Шмаков

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
vsshmakov@gmail.com

Аннотация. Автор, используя в качестве аналитической рамки концепцию «имперского синдрома», рассматривает как глобализация меняет пространство локальностей. Этот подход позволяет проанализировать диалектику между мировыми потоками и местными практиками, а также сформулировать ряд ключевых теоретических положений о характере их взаимодействия.

Динамика локальностей в евразийском пространстве определяется не линейной модернизацией, а сложным взаимодействием дифференциации и консолидации, опосредованным «имперским синдромом». Динамическое равновесие между дифференциацией и консолидацией служит ключом к устойчивости. Чрезмерная дифференциация без объединяющих механизмов ведет к фрагментации и конфликту; гипертрофированная, насильственная консолидация стимулирует стагнацию и отторжение инноваций. Концепт «имперского синдрома» операционализирован как аналитический инструмент, позволяющий фиксировать дуальность постимперского сознания (ностальгический и травматический модусы).

Ключевые слова: глобализация, локальность, социокультурные системы, «имперский синдром», идентичность, дифференция, консолидация.

Для цитирования: Шмаков, В. С. (2026). Динамика трансформации локальных систем: имперский синдром. *Respublica Literaria*. Т. 7. № 3. С. 197-211. DOI: 10.47850/RL.2026.7.3.197-211.

DYNAMICS OF TRANSFORMATION OF LOCAL SYSTEMS: THE IMPERIAL SYNDROME

V. S. Shmakov

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
vsshmakov@gmail.com

Abstract. Adopting the "imperial syndrome" as an analytical frame, the author investigates the impact of globalization on localities. The study reveals the dialectic relationship between global processes and local responses, outlining key theoretical principles of their engagement.

The dynamics of localities in the Eurasian space is determined not by linear modernization, but by a complex interaction of differentiation and consolidation mediated by the "imperial syndrome". The dynamic balance between differentiation and consolidation is the key to sustainability. Excessive differentiation without unifying mechanisms leads to fragmentation and conflict; hypertrophied, violent consolidation stimulates stagnation and rejection of innovations. The concept of the "imperial syndrome" is operationalized as an analytical tool that allows us to capture the duality of post-imperial consciousness (nostalgic and traumatic modes).

Keywords: globalization, locality, socio-cultural systems, "imperial syndrome", identity, differentiation, consolidation.

For citation: Shmakov, V. S. (2026). Dynamics of Transformation of Local Systems: The Imperial Syndrome. *Respublica Literaria*. Vol. 7. No. 3. Pp. 197-211. DOI: 10.47850/RL.2026.7.3.197-211.

В эпоху глобализации, деколонизации и цифровой революции традиционные модели организации социокультурного пространства подвергаются беспрецедентному давлению; форматируются социокультурные основания процессов трансформации, преобразуя взаимоотношения и взаимосвязи глобальности и локальности. В мировом сообществе вербализируется вызов традиционным социокультурным отношениям, детерминирующим основания жизнедеятельности локальных сообществ; складываются полиморфные структуры, ценности и приоритеты. Довлеющая диалектика взаимоотношений и взаимодействий глобализации и локальности выступает центральной осью движения к реальной смене идей и принципов, формирующих современное геополитическое пространство, структуру и модели управления миром.

Актуальность исследования детерминирована рядом факторов: усилением геополитической конкуренции, в которой контроль над локальностями становится ресурсом влияния, кризисом традиционных моделей управления социокультурными процессами в постсоветском пространстве, ростом запроса на концептуальные основания для выработки стратегий устойчивого развития локальных сообществ России в условиях глобальной турбулентности.

Гипотеза исследования предполагает необходимость теоретического осмысления «имперского синдрома» не как архаики, а как активного фактора современной политической и социокультурной динамики. «Имперский синдром», представляя собой инерцию имперских моделей мышления и практики, опосредует восприятие и адаптацию локальных сообществ к процессам глобализации, формируя специфические траектории их трансформации в Евразии.

Структурно логика статьи подчинена анализу макропроцессов глобализации, от исследования специфики социокультурной эволюции локальностей к концептуализации «имперского синдрома». Методологически социокультурный анализ сочетается со структурно-функциональным подходом и сравнительно-историческим методом для оценки ценностных сдвигов, механизмов интеграции/деинтеграции локальных систем, преемственности имперских социокультурных практик.

Социокультурные комплексы как локального, так и глобального уровня находятся в состоянии перманентной трансформации. Геополитические силы в борьбе за пространство, ресурсы и технологии выступают внешним фактором давления и конституирующим принципом эволюции локальностей, конвертируя социокультурные идентичности, меняя траектории развития и механизмы взаимодействия. Стержневая проблема заключается в одновременном действии дивергентных и конвергентных тенденций как критического фактора интеграции и дезинтеграции локальных сообществ, в том числе и Российской Федерации. Универсализация мирового пространства через глобализацию и фрагментацию определяет цивилизационные вызовы, являющиеся основанием разрушения традиционных социокультурных ценностей и нравственных устоев локальностей. Глобализация иллюстрирует устойчивую динамику, отражающую отношения между глобализованными странами и локальностями, обозначая проблему политической, социокультурной,

религиозной и национальной идентичности. Производственно-экономическая модернизация выступает катализатором процессов интеграции в масштабные блоки, порождает дезинтеграцию локальностей. Унификация, конвергенция социокультурных моделей и их радикальная модификация формируют новые границы напряженности и зоны конфликта локальности и глобальности.

Эти процессы находят свое выражение в феномене «новых империй», активируя концепт «имперского синдрома» в контексте трансформации властных моделей и структур, основанных не только на территориальном контроле, но и в значительной степени на технологическом, экономическом и информационном лидерстве. Парадокс современного этапа глобализации заключается в том, что интеграционные процессы – экономические, информационные – синхронно порождают интенсификацию дезинтеграционных политических и социокультурных алгоритмов. В этом значении «имперский синдром» выступает ключевым медиатором, определяющим интерпретационные и адаптационные модели локальных сообществ по отношению к процессам модернизации.

В этом значении глобализация как превалирующий процесс современности является не нейтральным явлением, а цивилизационным вызовом, выполняющим две взаимосвязанные функции.

Во-первых, деструктивную: дестабилизируются и системно разрушаются традиционные социокультурные ценности локальностей, нравственные устои, менталитет и идентичность.

Во-вторых, неокOLONиальную, постимперскую: глобальное доминирование служит инструментом для подчинения и угнетения локальностей в борьбе за ресурсы и рынки сбыта, контроля и эксплуатации мировой периферии.

Две взаимосвязанные функциональных проблемы дают ключ к объяснению и пониманию взаимоотношений локальностей и тенденций проявления «имперского синдрома» в развитии глобализации. Исследование роли концептуального знания об империи в условиях многополярного мира в рамках имперских характеристик определяется необходимостью адекватного понимания глобальных процессов, масштабирующих предметное поле глобалистики и ее социально-философскую перспективу.

Анализ динамики преобразований экономических, социокультурных процессов показывает, что глобализация порождает локализацию, которая преобразовывает характер глобальных явлений, делая их более фрагментированными и неуправляемыми. Этот дуализм является фундаментальным фактором трансформации культуры и социальности, заставляя постоянно балансировать между адаптацией к универсальным стандартам и защитой собственной социокультурной идентичности и суверенитета. В процессе адаптации локальностей возникают проблемы виртуализации, унификации, массовизации, социокультурной шаблонизации [Hussain, 2022; Ильин, Леонова, 2023]. Восходящим трендом определяется суверенизация и капсуляция вокруг «своей» идентичности в процессе трансформации глобализованного мира [Смирнов, 2019, с. 204; Friedman, 2020]. В локальной социокультурной среде формируются новые структуры социокультур смешанного типа [Schuerkens, 2017; Gulmez, 2020; Пантин, 2021]. Трансформация глобальных и локальных производственно-экономических, политических и социокультурных практик в условиях формирования многополярного мира проявляется как своеобразный переходный период и зависит от движущих сил, механизмов и методов реализации.

Диалектика глобализации и локализации: тенденции и перспективы

Процессы глобализации и локализации долгое время рассматривались как противоположные и последовательные движения. Однако они представляют собой две стороны одной медали, находящиеся в сложном диалектическом единстве и взаимно обуславливающие друг друга. Современные практики, детерминирующие мировую политику, приобретают транснациональный характер, выступают за рамки действия государственных интересов и не соответствуют каноничным образцам мировой политики, принимая во внимание социокультуру, религию, идентичность и др.

Во-первых, глобализация, диктуя условия формирования миропорядка, бросает вызовы традиционным структурам, фокусирующим внимание на развивающихся новых явлениях и гибридных паттернах, зарождающихся в результате давления глобализации на политику, экономику, социокультуру, влияя на изменение границ, социокультурных моделей, общественно-политических иерархий, размывая реальность.

Во-вторых, глобализация, генерируя экономические, политические и социокультурные изменения, выстраивает единое мировое пространство. Возникающие объединительные тенденции в условиях формирования многополярного мира способствуют расширению и диверсификации межнациональных взаимосвязей и взаимозависимостей, интеграции государств и блоков. Х. Маккиндер обозначает проблему трансформации геополитического пространства и создание международных блоков как выстраивание новых геополитических «осей истории» [Маккиндер, 2021]. В этом значении глобализация, конструируя единое политическое, экономическое, информационное и социокультурное пространство, выступает объединителем мира «в одном месте» [Robertson, 1992] и визуализируется как база, квинтэссенция фундаментальной динамики транснациональных процессов «по мере создания больших и малых межобщественных систем» с новыми уровнями интегрированности, целостности, взаимозависимости [Turner, 2020, pp. 106-107].

Тенденции глобальной перестройки межгосударственных отношений в условиях усложнения транснациональных коммуникаций и взаимодействий определяют направления и перспективы создания геополитических сценариев систематизации «больших пространств», образования центров полицентрической глобальной структуры межгосударственных объединений [Науманн, 1918; Rossi, 2020], больших и малых социокультурных конструкций.

В-третьих, доминирующим трендом глобализации стала интеграция, определяющая переход от экономических союзов и объединений к цивилизационным проектам на уровне Европейского союза с добровольным ограничением национального суверенитета ради экономических выгод и относительной безопасности. З. Бжезинский, в поисках защиты для западного мира, ограждая «имперскость» США, подчеркивал: «... три великих обязанности имперской геостратегии заключаются в предотвращении сговора между вассалами и сохранении их зависимости от общей безопасности, сохранении покорности подчиненных и обеспечении их защиты и недопущении объединения варваров» [Бжезинский, 1998, с. 54]. Точнее и циничнее не скажешь. С другой стороны, отмечается, что западным странам для выживания необходимо выстроить новые принципы жизнедеятельности: создание западного единства «культуры-государства-нации-рода-расы-империи как основы для реализации внутреннего императива абсолютного империализма» [Варандж (Йоки Ф. П.),

2017, с. 408]. Параллельно формируются другие интеграционные проекты, нередко имеющие отчетливую цивилизационную форму (китайский «Пояс и путь», российские проекты евразийской интеграции), которые являются не менее трендовыми инструментами мягкой силы и геополитического влияния. В действительности любой проект сталкивается с серьезными вызовами, подчеркивающими, что интеграция в основе своей – нелинейный и необратимый процесс, определяющий мировые перспективы.

Глобализация, создавая единое пространство жизненных потоков, способствует распространению универсальных моделей управления, потребления и социокультурных образцов, формулирует вызовы локальностям. Анализ динамики социокультурного развития локальных сообществ в современной России опирается на ряд теоретико-методологических оснований. Во-первых, динамика глобализации, актуализируя проблемы локальностей, определяет пути движения в меняющемся многополярном мире, углубляет значение национальных государств как ключевых субъектов процесса формирования новых союзов и коалиций, акцентирующих внимание на суверенности, независимости и государственном протекционизме [см., например: Enderwick, 2011, р. 326; Вятр, 2017, с. 52]. Во-вторых, генерация многополярности сопровождается резким ускорением процессов внутренней интеграции социокультурных локальных систем и глубокими качественными преобразованиями культуры и социальности. Одновременно локальные сообщества попадают в состояние поиска новых идей, смыслов и ценностей, складываются многокомпонентные локальные социокультурные общности [Шмаков, 2023, с. 10-11]. Теоретически социокультурная дифференциация / консолидация служит своеобразным инструментарием для изучения внутренних противоречий локальных сообществ.

Локализация определяется ключевой тенденцией глобализации и, как адаптационная реакция, проявляется во всех сферах жизнедеятельности социума. В экономической сфере локализация выражается ориентацией на развитие национальных производственно-экономических отношений, связанных с локальными рынками, для обеспечения базовых потребностей, снижения зависимости от поставщиков и т. п. Движение глобализма к аккумуляции и унификации локальностей усиливает контроль над невещественными ресурсами, банками данных, потоками информации, цифровой инфраструктурой, что активизирует модификацию, разрушение социокультурных смыслов, ценностей и норм жизнедеятельности локальностей. В локальных сообществах стимулируется усиление национально-государственных нарративов как реакция на нарастание популизма и протекционизма, ощущение потери контроля перед лицом глобальных сил и осознание необходимости принятия решений в целях поддержания национальных комплексов и регулирования отношений с глобальными платформами. З. Бауман характеризует подобное состояние общества как переходное – эпоху безвластия, «Interregnum», когда традиционные объяснительные схемы жизнедеятельности слабо функционируют, а актуализирующиеся парадигмальные установки еще не институализированы [Bauman, 2005]. В этом смысле концепция «текущей современности» З. Баумана позволяет интерпретировать нестабильность идентичностей и институтов как системную характеристику эпохи, а не как временную аномалию.

Пространственная локализация производственно-экономических и социокультурных процессов отображает процедуру возникновения новых локальных социокультурных общностей с адекватным идеологическим каркасом. В состоянии изменения границ локальностей возникают формы жизнеустройства, эксплицированные во властных комплексах, конституциях политических режимов, производственно-экономических

и социокультурных моделях и др., являющиеся элементами «интерсубъективных» верований, идей и смыслов. Это особенно актуально в рамках конструктивистской геополитики, рассматривающей пространство не как данность, а как продукт дискурсивных практик и коллективных представлений, что релевантно для анализа постимперских идентичностей [Fard, 2021], обостряя вопрос о носителях соответствующих социокультурных паттернов, их роли в эволюционирующих постглобальных обществах [Валлерстайн, 2003; King, 2018].

Выдвигающаяся на первый план проблема дивергенций и противоречий внутри локальностей актуализирует поиск новых форм, способов и средств разрешения. А. С. Ахиезер, рассматривая проблемы российской модернизации, акцентируя внимание на цикличности социокультурных процессов и специфике ценностных трансформаций при заимствовании внешних моделей, справедливо заметил: в условиях модернизации «заимствования из иной цивилизации приобретают иное ценностное содержание, интерпретируются в иной модальности, например, все ценности либеральной цивилизации превращаются из самоценности в средства» [Ахиезер, 1991 с. 290].

Интеграционный вызов глобальности, провоцируя локальности на пренебрежительное отношение к базовым ценностям, стимулирует дезинтеграционные процессы, побуждая к ослаблению устойчивости менталитета, к разрушению социокультурной матрицы локального сообщества и утрате идентичности. Видимость преимуществ глобализации, таких как комплексность и масштабность, оказалась сопряжена с рисками неустойчивости и уязвимости системы, что проявляется во время геополитических кризисов. Более того, вместо ожидаемого интегрирования и ассимиляции локальностей глобализация стала стимулятором для переоценки, актуализации своего положения в мировом пространстве и необходимости поиска дополнительных решений проблем локальностей. В этом значении концептуальный подход к анализу евразийского социокультурного пространства предполагает рассмотрение его не как пассивного объекта глобализации, а как активного субъекта, перерабатывающего внешние импульсы через призму исторически сложившихся имперских структур сознания и практик управления.

Вызовы глобализации, выступая инструментом доминирования, формируют экономико-политические противоречия, воспроизводя динамичное поле напряжений, определяющих социокультурные последствия, порождая противоположный мейнстрим – дезинтеграцию; распад многофункциональных интегрированных платформ также набирает силу. СССР, Югославия, конфликты на Ближнем Востоке, имперские потуги США, разнообразные сепаратистские движения – все это свидетельства хрупкости многонациональных и мультикультурных образований. В условиях истощения товарно-материальных ценностей, человеческого капитала, нарастания борьбы за ресурсы и рынки сбыта усложняется проблема поддержания и сохранения единства глобальных структур; с другой стороны, ощущается стремление к легитимному, суверенному развитию локальностей.

В целом, геополитическая картина мира обладает многоуровневой структурой зависимости и конкуренции. Границы новых союзов и объединений проходят не только по государственным границам, но и по линиям социокультурных, цифровых инфраструктур, доминирующим информационным платформам и технологическим экосистемам, стимулируя мировые интеграционные процессы.

Социокультурная эволюция: дифференциация и консолидация локальностей

Современный мир характеризуется глубокой парадоксальностью. С одной стороны, процессы глобализации, понимаемые как всеобъемлющее мировое связывание экономических структур и политических институтов, создают беспрецедентную степень взаимозависимости и унификации. С другой стороны, процесс интеграции провоцирует центробежные силы на локальном уровне. Такие определения, как эпоха «текущей современности», «ускользающего мира» и «новой неопределенности», фиксируют, что стабильные социокультурные формы растворяются и разобщаются под давлением глобальных информационных и миграционных потоков.

1. Глобальные экономические потоки, инвестиции, цепочки добавленной стоимости и т. д. часто воспроизводят имперскую модель «центр – периферия», но в сетевой, а не иерархической форме, что вызывает амбивалентную реакцию локальных элит.

2. Информационные и социокультурные потоки, с одной стороны, размывают локальные идентичности, с другой – стимулируют их рефлексивное укрепление через апелляцию к имперскому прошлому как источнику символического капитала.

3. Миграционные потоки актуализируют проблему «внутренней периферии» и «внешней диаспоры», воспроизводя имперские паттерны управления разнообразием, но в условиях новых правовых и этических норм.

Глобализация выступает как мегатенденция, коренным образом реформирующая составляющие общественного бытия, включая уровень жизнедеятельности локальных сообществ, и формулирует проблему диалектического взаимодействия двух разнонаправленных процессов: социокультурной дифференциации, размывающей традиционные устои, и консолидации, направленной на сохранение и воспроизводство общности. Локальное сообщество понимается как относительно небольшая общность людей, проживающих на географически ограниченной территории, связанных едиными интересами, нормами, исторически сложившейся культурой и социальностью [Шмаков, 2024, с. 103-104].

В этом контексте устойчивое развитие локальностей – не просто поддержание численности социума, но и сохранение, воспроизведение институциональных связей, человеческого капитала и чувства социокультурной идентичности. Динамика движения глобализации игнорирует эти основы жизнедеятельности, формулируя прямо противоположные цели и направления развития. Иницируется радикальная социокультурная дифференциация, внутри сообществ насаждается расслоение по жизненным стратегиям, ценностям, моделям потребления. В то же время определяется насущная необходимость консолидации, достижения согласия, взаимного доверия и сотрудничества внутри сообщества для выживания и развития в условиях глобальной конкуренции. При этом необходимо учитывать, что основным двигателем трансформации жизнедеятельности является производственно-экономическая модернизация, источником внутренних противоречий выступает конфликт между неизбежной дифференциацией, ведущей к дизъюнкции, распаду внутренних связей, и императивной потребностью в консолидации, требующей конъюнкции, согласования. Конфликтообразующие противоречия прослеживаются в спектре от социокультурных и этноконфессиональных

до сепаратистских и террористических действий. Ситуативно динамика социокультурной эволюции локальностей определяется постоянным напряжением между процессами дифференциации, усложнения, роста разнообразия и консолидации, унификации, шаблонизации. В масштабах глобализации дифференциация выступает как источник сложности и конфликта, поскольку именно глобализационные процессы, вопреки ожиданиям о преимуществах единообразия и унификации, привели к взрывному росту социокультурной дифференциации. Процесс глобализации усложняет состояние локальных социокультурных идентичностей, поскольку расширяются глобальные площадки для самоорганизации и самоидентификации. Компликация социальной структуры способствует росту плюрализма, фрагментации общественного диалога, конфронтации идентичностей. Локальные сообщества становятся более сложными для управления, поскольку традиционные консолидирующие механизмы теряют эффективность. Вызовы и угрозы глобализации определяют проблему консолидации как ответ локальностей. В условиях турбулентности переходного периода и проявляющихся угроз – экономических кризисов, утраты суверенитета, миграции, терроризма – активизируются процессы, альтернативные консолидации. Они могут принимать как демократические формы (в рамках сплочения вокруг традиционных конституированных ценностей в ответ на внешнюю агрессию), так и авторитарно-популистские (консолидация вокруг национального лидера или образа внешнего/внутреннего врага).

Социокультурные последствия давления глобализации на локальные сообщества связаны, прежде всего, с проблемой сохранения традиционных социокультурных ценностей и идентичности.

1. Социокультурная дифференциация детерминирует разрушение традиционных связей и отношений. Усиление неравенства стимулирует маргинализацию и аномию отдельных групп.

2. Размывание своеобразия, утрата локальной социокультурной идентичности, смена социокультурных стереотипов и унификация ценностных ориентаций обуславливают формирование гибридных идентичностей.

3. Кризис доверия к институтам власти, поиск новых форм самоорганизации и представительства интересов создают почву для роста изоляции и отторжения локальностей.

4. Амбивалентный эффект, с одной стороны, инициирует расширение коммуникативных возможностей и освоение новых форм жизнедеятельности. С другой – предопределяет углубление неравенства, формализацию отношений, минимизацию эмоциональных предпосылок для доверия, взаимосвязей и взаимодействия.

Состояние колебания локальных социокультурных систем порождает потерю управляемости, бифуркацию сообщества, провоцирует кризис локальностей, но при этом социокультурные паттерны – язык, идентичность – способны сохраняться, развиваться и адаптироваться к новым условиям. Глобализация формирует процессы экономических, политических и социокультурных изменений, автоматически пытаясь моделировать единое мировое социокультурное пространство, форсируя процессы сближения и ассимиляции локальностей, имитируя объяснение и понимание мира как единого целого на уровне глобального сознания.

Положительная динамика формирования многополярного мира способствует расширению и диверсификации взаимосвязей и взаимозависимостей, развитию периферийных конвергенций локальностей, генерируя наступательный характер.

Манипулятивной тенденцией становится ассимиляция локальных социокультур, интеграция, унификация жизненных моделей и принципов, навязывание западных социокультурных образцов, стилей, социокультурных смыслов, ценностей и стандартов.

«Имперский синдром»: между ностальгией и травмой

Современный мир демонстрирует параллельное сосуществование мощных интеграционных и дезинтеграционных трендов, что делает геополитическую картину турбулентной и непредсказуемой. Империя, как сложный цивилизационный производственно-экономический и социокультурный комплекс, оставляет после себя глубокий след в коллективном сознании, институциональных практиках и пространственном воображении народов. Этот след можно обозначить как «имперский синдром» – аналитическую категорию, описывающую инерцию актуализации имперских моделей в постимперскую эпоху. Исследование динамики эволюции локальностей сегодня невозможно без учета этого фактора. Глобализационные процессы, стирающие дистанции и создающие новые средства связи и движения, неизбежно сталкиваются с локальными структурами, чья архитектура во многом сформирована имперским наследием. Под «имперским синдромом» понимается устойчивый комплекс экономических, политических, социокультурных и ментальных установок, унаследованных от имперского прошлого, которое продолжает определять способы восприятия пространства, границ, иерархических конструкций и идентичностей в рамках архаических представлений, сохраняющихся после формального распада империй.

Выделим основные направления методологии объяснения и понимания динамики эволюционных процессов евразийского социокультурного пространства.

1. Историко-генетическое направление: акцент сосредоточен на преемственности институтов и практик управления, переходящих от имперского периода к современности, что позволяет объяснить устойчивость определенных моделей взаимодействия центра и периферии.

2. Дискурсивно-символическое направление раскрывает, каким образом нарративы об имперском прошлом (как ностальгические, так и травматические) мобилизуются в современных политических и социокультурных стратегиях.

3. Структурно-функциональное направление иллюстрирует, посредством чего «имперский синдром» выполняет функции интеграции / дезинтеграции, легитимации / критики власти в условиях глобальной конкуренции.

4. Сравнительно-локальное направление проводит сопоставление проявлений «имперского синдрома» в различных локальных сообществах Евразии для выявления общих закономерностей и уникальной специфики.

Анализ проецирования глобализационных процессов показывает, что давление экономической интеграции, социокультурная эволюция, миграция, формирование киберпространства на локальности детерминируют актуализацию «имперского синдрома» как в ностальгически-исторических, так и в травматических, отрицательных проявлениях.

Ностальгически-исторический модус определяет восприятие границ, правящих иерархий, языковых преимуществ, социокультурных смыслов в их историческом, имперском масштабе как универсальный, объединяющий концепт, свидетельство исторического превосходства и миссионерской роли, политический проект будущего. Травматический модус выступает своеобразной гипертрофированной защитой, конструктом гомогенной идентичности. В то же время имперское прошлое маркируется как период угнетения, вычеркивания собственной истории, определяя проблему социокультурного отмежевания. Оба модуса – две стороны одной медали. Они существуют в постоянном, безысходном диалоге-конflikте, подпитывая, провоцируя друг друга, создавая кризисные ситуации в контексте межгрупповых, межнациональных отношений.

Современные глобальные процессы атакуют основы, на которых держалась классическая имперская модель организации пространства. Империя строилась на властной вертикали «центр – сырьевая периферия».

Глобальные цепочки создают сложные сетевые структуры, где «центр» производства, финансов и знаний географически рассредоточен. Это подрывает классическую имперскую экономическую модель и ставит под вопрос зависимость периферии от одного центра.

1. Резкое сокращение жесткого контроля над физическим пространством и потоками информации: киберпространство трансгранично. Актуализируются проблемы языка, национального самоопределения и социокультурной идентичности.

2. Миграционная мобильность создает на местах «империю наоборот» – деколонизацию. Периферия теряет человеческий капитал, что усиливает травму и ощущение уязвимости.

3. Традиционные социокультурные практики впадают в состояние раздвоения. Для «имперской периферии» это движение используется как инструмент дистанцирования от «консервативного» центра и интеграции в «прогрессивный» глобальный мейнстрим, что служит формой борьбы с имперским наследием.

Оценка эффектов глобализации на трансформацию социокультурного пространства локальностей сквозь призму концепта «имперского синдрома» позволяет зафиксировать следующие механизмы влияния:

1. Глобализация не отменяет «имперский синдром», а переадресует его. Имперская логика «цивилизаторской миссии» преобразуется в риторику «суверенной демократии» или «особого пути», адаптируясь к языку современных международных отношений.

2. Глобальные медиаплатформы становятся ареной борьбы имперских нарративов: ностальгические и травматические интерпретации прошлого конкурируют за влияние на общественное сознание, формируя новые линии социокультурного объединения или раскола.

3. Экономическая глобализация, с одной стороны, подрывает имперские модели перераспределения ресурсов, с другой – создает новые формы зависимости, которые могут осмысливаться через призму имперского опыта.

Столкновение глобальных трендов с «имперским синдромом» порождает специфические формы социокультурной и политической динамики, бросая вызов традиционным социокультурным структурам, государственным границам и общественно-политическим иерархиям. Физические границы постимперских государств, часто произвольные и проведенные имперской администрацией, становятся гиперчувствительными. На них проецируется вся тяжесть исторических обид и страхов.

Они укрепляются, возводя стены и визовые режимы как символы суверенитета, либо подвергаются метафорическому отрицанию, возбуждая идеи воссоединения, порождая интеграционные проекты, напоминающие имперские. Граница перестает быть только линией на карте и становится «пограничьем» – пространством активной памяти и конфликта идентичностей.

Вертикальная имперская иерархия «центр – провинция» отрицается сетевой логикой глобального мира, что вызывает разнонаправленную реакцию. Центробежные силы испытывают стремление искусственно восстановить иерархию через силовое давление, экономические санкции и информационное доминирование как инструменты «имперского управления» в новых реалиях. Периферии активизируют поиск релевантных «центров притяжения» как альтернативы старому урбанистическому центру, что символизирует стратегию побега от имперской иерархии, но часто приводит к новой, возможно, и более мягкой форме зависимости.

Локализация социокультурных образов в фокусе концепта «имперского синдрома» актуализирует прошлое как поле битвы за легитимность в настоящем – «войны памяти». Снос памятников, переименование улиц, споры об оценке минувших эпохальных событий – все это прямые проявления борьбы с «имперским синдромом». Опора на исторические нарративы равна контролю за социокультурным пространством, идентичностью и менталитетом. Поскольку язык представляется базовым инструментом формирования и сохранения социокультурной идентичности локальностей, борьба за чистоту и восстановление национальных языков, подавлявшихся в имперский период, – это тоже отголосок «имперского синдрома». Языковая политика сегодня есть политика пространственной локализации и деколонизации сознания, в прямом смысле определяющая языковые войны.

Парадигма объяснения и понимания сути пространственной локализации вращается вокруг фундаментального противоречия: глобальность vs. локальность. Глобализация выступает как сила, стирающая границы, унифицирующая рынки, социокультуру, институты в масштабах интеграции. Локальность обладает потенциалом сопротивления, базой отстаивания уникальности, традиционности, что проявляется в процессах дезинтеграции локальностей, дифференциации, подчеркивания различий и консолидации вокруг локальной социокультурной идентичности.

В процессе модернизации определяются ключевые движущие силы, оказывающие стержневое влияние на развитие и изменение мира:

1. Производственно-экономическая модернизация является главным «двигателем, механизмом» глобализации, но одновременно создает «проигравшие» регионы, что усиливает локальные протесты.

2. Социокультурная эволюция (навязывание либеральных моделей жизнедеятельности, рост индивидуализма и т. д.) порождает противоречия и дисгармонию с традиционными укладами и ценностями, что вызывает ответную реакцию в виде сплачивания вокруг национальных, консервативных, религиозных норм.

Можно заметить, что «имперский синдром» выступает интригующим фактором, своеобразным фильтром и реактивным механизмом в процессе адаптации локальных социокультурных конструкций к новой многомерной реальности, где физические пространственные границы теряют монополию на определение принадлежности, сопричастности, суверенитета и т. д.

Полемичность проблемы «имперского синдрома» заключается в отсутствии консенсуса относительно его статуса: является ли он реликтом прошлого, активным фактором настоящего, имеет ли перспективы в будущем.

Проблема соблюдения баланса между структурными и дискурсивными факторами в его воспроизводстве заключается в наличии оценочного статуса концепта: патология или нормальная адаптивная реакция.

Подчеркнем: процессы глобализации формируют программу реконструкции и воспроизводства имперских смыслов жизнедеятельности общества в точках пересечения с локальностями.

1. Стремление к осуществлению преобладающего контроля над геополитическим пространством, финансовыми потоками, природными ресурсами и человеческим капиталом.

2. Управление и координирование киберпространства провоцируют создание национальных доменов, локального цифрового контента на местных языках, киберзаконов, поддерживающих «цифровой суверенитет».

3. Растущее внутреннее многообразие в условиях активной миграции приводит к всплеску ностальгического имперского духа.

4. Глобальный дискурс прав человека, мультикультурализм и т. д. бросают вызов имперским по духу и этатистским иерархиям, проецируются на локальности и актуализируют «имперский синдром» как в его ностальгически-исторических, так и в травматических проявлениях.

Локальные социокультурные комплексы формируются и идентифицируются как макрокультурные общности, которые в условиях глобализации не исчезают, а, напротив, дифференцируются и консолидируются. Локальности становятся основой для формирования альтернативных глобальных программ, представляющих современные центры силы, кристаллизирующиеся вне национальных границ, и формирующие новые полюсы интеграции на уровне имперскости.

Мы полагаем, что «имперский синдром» следует рассматривать как структурно-дискурсивный феномен, имеющий как деструктивный, так и адаптивный потенциалы. Его анализ требует отказа от оценочных суждений в пользу выявления механизмов его функционирования в конкретных социокультурных контекстах.

Заключение

Анализ диалектики глобализации и локализации как базового контента трансформации локальных систем показывает, что глобализация и локализация представляют собой взаимно конституирующие процессы; в евразийском контексте эта взаимность опосредована «имперским синдромом», который фильтрует и трансформирует глобальные импульсы.

Глобализация питает локализацию, интеграционные проекты порождают дезинтеграционные импульсы, технологическая унификация ведет к социокультурной и политической дифференциации. Геополитическая конкуренция приобретает многомерный характер. К традиционному военно-территориальному измерению добавились технологическое, экономическое, информационное и социокультурное измерения. Локальные сообщества вынуждены эволюционировать в этом силовом поле, постоянно балансируя между адаптацией к внешним вызовам и защитой внутренней целостности.

Социокультурные механизмы дифференциации и консолидации локальных сообществ в условиях глобального давления показывают, что устойчивость локальностей зависит от способности балансировать между дифференциацией и консолидацией. Баланс как статичное состояние недостижим, поскольку речь идет о динамическом, постоянно пересматриваемом равновесии, в котором «имперский синдром» выступает как фактор нестабильности и одновременно как ресурс мобилизации.

Оценка влияния глобализации на трансформацию социокультурного пространства локальностей в контексте «имперского синдрома» показывает, что глобализация не отменяет, а трансформирует проявления импульсов «имперского синдрома». Концептуально «имперский синдром» проявляется в дуальных модусах ностальгии и травмы. Эти модусы не просто сосуществуют, а находятся в продуктивном напряжении, генерируя новые формы политической и социокультурной активности. В этом значении динамическое равновесие между дифференциацией и консолидацией внутри локальных сообществ служит ключом к их устойчивости. Чрезмерная дифференциация без объединяющих механизмов ведет к фрагментации и конфликту; гипертрофированная, особенно насильственная, консолидация стимулирует стагнацию и отторжение инноваций.

Отметим, что модернизационные процессы формируют межцивилизационную бифуркацию – точку неопределенности, в которой старые структуры миропорядка теряют устойчивость, а новые еще не оформились. Исход этой бифуркации зависит от того, как различные локальные социокультуры справятся с внутренними противоречиями, вызовами новых имперских проектов и глобальными проблемами, требующими кооперации и взаимодействия. Трансформация локальностей будет продолжаться; траектории движения в конечном счете определяют, станет ли геополитическая карта мира будущего ареной нового конфликта цивилизаций или сложной, но жизнеспособной полицентричной конструкцией, основанной на признании многополярности и разнообразия.

Список литературы / References

- Ахиезер, А. С. (1991). *Россия: критика исторического опыта*. Т. II. М.: Изд-во ФО СССР. 415 с.
- Axiezer, A. S. (1991). *Russia: Criticism of Historical Experience*. Vol. II. Moscow. 415 p. (In Russ.)
- Бжезинский, З. (1998). *Великая шахматная доска*. М.: Международные отношения. 448 с.
- Bzhezinskij, Z. (1998). *The Great Chessboard*. Moscow. 448 p. (In Russ.)
- Валлерстайн, И. (2003). *После либерализма*. 2-е изд. М.: УРСС, ЛЕНАНД. 256 с.
- Vallerstajn, I. (2003). *After Liberalism*. 2nd ed. Moscow. 256 p. (In Russ.)
- Варандж, У. (Йоки Ф. П.). (2017). *Imperium. Философия истории и политики*. СПб.: Русский миръ. 554 с.
- Varandzh, U. (Joki F. P.) (2017). *Imperium. Philosophy of History and Politics*. St. Petersburg. 554 p. (In Russ.)

Вятр, Е. Й. (2017). К новому мировому порядку XXI века. *Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего*. СПб: СПбГУП. С. 51-53.

Vyatr, E. J. (2017). Towards a New World Order of the 21st century. In *The Global World: Systemic Shifts, Challenges and Contours of the Future*. St. Petersburg. Pp. 51-53 (In Russ.)

Ильин, И. В., Леонова, О. Г. (2023). Новые подходы к исследованию феномена глобализация в зарубежной науке. *Век глобализации*. № 3. С. 35-47. DOI: 10.30884/vglob/2023.03.03.

Ilin, I. V., Leonova, O. G. (2023). New Approaches to the Study of the Phenomenon of Globalization in Foreign Science. *The Age of Globalization*. No. 3. Pp. 35-47. DOI: 10.30884/vglob/2023.03.03. (In Russ.)

Маккиндер, Х. (2021). *Географическая ось истории*. М.: АСТ. 288 с.

Makkinder, X. (2021). *Geographical Axis of History*. Moscow. 288 p. (In Russ.)

Науманн, Ф. (1918). *Срединная Европа*. Петроград: Огни. 200 с.

Naumann, F. (1918). *Middle Europe*. Petrograd. 200 p. (In Russ.)

Пантин, В. И. (2021). Ценностные размежевания в России и современном мире: значение для внутренней и международной политики. *Общественные науки и современность*. № 3. С. 7-18. DOI:10.31857/S086904990015417-0.

Pantin, V. I. (2021). Value Divisions in Russia and the Modern World: Implications for Domestic and International Politics. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. No. 3. Pp. 7-18. DOI: 10.31857/S086904990015417-0. (In Russ.)

Смирнов, А. В. (2019). *Всечеловеческое vs. общечеловеческое*. М.: Садра, ЯСК. 216 с.

Smirnov, A. V. (2019). *The Universal vs. the Universal*. Moscow. 216 p. (In Russ.)

Шмаков, В. С. (2023). Социокультурная трансформация: факторы интеграции и дезинтеграции. *Социум и власть*. № 1 (95). С. 7-15. DOI: 10.22394/1996-0522-2023-1-07-15.

Shmakov, V. S. (2023). The Universal vs. the Universal. *Socium i vlast'*. No. 1 (95). Pp. 7-15. DOI: 10.22394/1996-0522-2023-1-07-15. (In Russ.)

Шмаков, В. С. (2024). Детерминанты социокультурного развития Евразии: явление кризиса. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 1. С. 100-112. DOI: 10.47850/RL.2024.5.1.100-112.

Shmakov, V. S. (2024). Determinants of the Socio-Cultural Development of Eurasia: The Phenomenon of Crisis. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 1. Pp. 100-112. DOI: 10.47850/RL.2024.5.1.100-112. (In Russ.)

Bauman, Z. (2005). *44 Letters from the Liquid Modern World*. Cambridge. Polity. 208 p.

Enderwick, P. (2011). Understanding the Rise of Global Protectionism. *Thunderbird International Business Review*. No. 53 (3). Pp. 325-336. DOI: 10.1002/tie.20410.

Fard, R. (2021). Towards a New Concept of Constructivist Geopolitics. *Central European Journal of International and Security Studies*. Vol. 15. No. 1. Pp. 26-57.

Friedman, J. (2020). Global Systemic Anthropology and the Analysis of Globalization. In Rossi, I. (ed.). *Challenges of Globalization and Prospects for an Inter-civilizational World Order*. New York. Springer. Pp. 39-60.

Gulmez, D. B. (2020). Global Transformations in Polity, Policy, and Politics: World Polity, Europe, and the Nation-State. In Rossi, I. (ed.). *Challenges of Globalization and Prospects for an Inter-civilizational World Order*. New York. Springer. Pp. 193-208.

Hussain, I. A. (ed.). (2022). *Global-Local Tradeoffs, Order-Disorder Consequences: "State". No More an Island?* Cham. Springer. 330 p.

King, S. D. (2018). *Grave New World: The End of Globalization, the Return of History*. New Haven. Yale University Press. 304 p.

Robertson, R. (1992). *Globalization: Social Theory and Global Culture*. London; Newbury Park; New Delhi. SAGE Publications. 224 p.

Rossi, I. (ed.). (2020). *Challenges of Globalization and Prospects for an Inter-civilizational World Order*. New York. Springer. 1105 p. DOI:10.1007/978-3-030-44058-9.

Schuerkens, U. (2017). *Social Changes in a Global World*. London. SAGE Publications Ltd. 272 p. DOI: 10.4135/9781529714593.

Turner, J. H. (2020). Principles of Geo-Political Dynamics. In Rossi, I. (ed.). *Challenges of Globalization and Prospects for an Inter-civilizational World Order*. New York. Springer. Pp. 105-123.

Сведения об авторе / Information about the author

Шмаков Владимир Сергеевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: vsshmakov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2965-1758>.

Статья поступила в редакцию: 07.05.2026

После доработки: 21.08.2026

Принята к публикации: 10.09.2026

Shmakov Vladimir – Doctor of Philosophical Sciences, Leading Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolayev Str., 8, e-mail: vsshmakov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2965-1758>.

The paper was submitted: 07.05.2026

Received after reworking: 21.08.2026

Accepted for publication: 10.09.2026